

Сун Яцы, сладко проспавший всю ночь, наконец проснулся с ясной головой. Тяжесть, давившая на сознание, отступила, хотя тело всё ещё оставалось слабым.

Первым делом он поморщился: горький запах лекарств, пропитавший комнату, был невыносим. Он жестом велел Му Ли приоткрыть окно. Му Ли, увидев, что господин очнулся, тут же принялся за утренние приготовления, однако окно приоткрыл лишь на крошечную щелочку.

— Господин только что оправился от жара, простудиться вам сейчас никак нельзя.

Сун Яцы не стал спорить. То, как он чувствовал себя последние два дня, он вспоминать не хотел. С трудом осилив полчашки рисовой каши, он почувствовал, как тепло разливается по телу, а душа возвращается на место. Он изо всех сил пытался восстановить в памяти события последних дней, но всё казалось лишь туманным, сбивчивым сном. В бреду реальность так тесно переплелась с хаотичными мыслями, что он уже не мог отличить одно от другого. Пришлось расспрашивать слугу.

— Му Ли, кто навещал меня за эти два дня? И что между нами произошло? Расскажи подробно.

Му Ли стоял, опустив голову. Казалось, он принял к сведению предупреждения Пэй Сыцзюэ и Чу Тунчжоу и теперь не помышлял ни о чем лишнем.

— Докладываю господину: за эти дни заходил господин Сун, а также Пэй Сыцзюэ. Он прислал немного лекарств, притворно выказал участие и ушел. А вчера вечером заходил господин Чу Тунчжоу.

Му Ли помедлил, а затем добавил:

— Вид у него был замотанный делами. Он посидел у кровати совсем немного и ушел.

Услышав это, Сун Яцы облегченно выдохнул. Вчера, в бесспамятстве болезни, он почти ничего не запомнил.

— Значит, всего лишь посидел немного? Ну и хорошо.

Му Ли кивнул:

— Господину нужно отдыхать и поправляться, не стоит забивать голову пустяками.

На душе у Сун Яцы было пусто. Лишь спустя некоторое время он смог выудить из памяти образ человека, сидевшего у его постели. Вдруг его осенило.

— Му Ли, а где браслет, который я достал из озера?

Сун Яцы даже похвалил себя за столь ответственное отношение к делу. Му Ли же старался не поднимать глаз, скрывая странное выражение лица.

— Господин, в первый день болезни вы ворочались во сне и сбросили браслет на пол. Он разбился.

— Раз-разбился?

На лице Сун Яцы отразился ужас. Он попытался сохранить невозмутимость и велел принести осколки. Глядя на то, что осталось от украшения, он почувствовал, как разбивается и его сердце. Неужели ключевой предмет сюжета оказался настолько хрупким?

— ...Ничего, это не страшно. Можно починить, сделать оправу из золота.

Придется довольствоваться этим. Когда Му Ли ушел с осколками, Сун Яцы принялся обдумывать стратегию. Главная ценность этого браслета заключалась в том, что он был символом любви между Чэнь Сюэданем и Чу Тунчжоу. Значит, нужно лишь сделать так, чтобы браслет сыграл свою роль. Когда Му Ли закончит работу, он просто передаст украшение людям из павильона Фэнчунь, а те под видом Сюэ Жун преподнесут его Чу Тунчжоу. Пусть это и не совсем возврат вещи законному владельцу, но браслет-то принадлежит Чэнь Сюэданю — даже с золотой оправой он его узнает. Согласно сюжету, прописанному Системой, Чэнь Сюэдань уже давно равнодушен к Чу Тунчжоу, так что он наверняка подыграет и не станет ничего разоблачать... Чем больше Сун Яцы думал об этом, тем более надежным казался план.

Пока Сун Яцы корпел над коварным замыслом, Му Ли тоже не сидел без дела. Он взялся за починку, и золотая оправка вышла на славу — тонкая, искусная работа, придаться было не к чему. Однако Му Ли намеренно сделал браслет чуть меньше прежнего. Даже если Сун Яцы вернет его Сюэ Жун, та вряд ли сможет его надеть...

Тем временем в тюрьме Чжаоюй Чэнь Сюэдань был готов растерзать человека перед собой. Но реальность была такова, что это его самого ожидали пытки. В камере, за решетками, в сырых каменных стенах стоял удушливый запах плесени и крови.

Чу Тунчжоу холодно смотрел на пленника.

— Девушка Сюэ Жун... нет, Чэнь Сюэдань. Я досконально изучил твое прошлое. Пока я не передумал, лучше скажи, кто стоит за тобой.

В нынешнем Чу Тунчжоу не осталось и следа той праведности, в которой так упрямо

продолжал верить Сун Яцы.

— Скажешь — получишь на один удар меньше. Промолчишь — и я сделаю так, что ты действительно станешь девицей.

Чэнь Сюэдань, которого только что окатили ведром соленой воды, корчился от боли, но продолжал с вызовом смотреть на Чу Тунчжоу.

— Господин Чу наверняка уже выяснил, кто на самом деле пустил стрелы. Если вы хотите добиться справедливости, то должны искать не только меня.

Чу Тунчжоу усмехнулся, его лицо словно сковало льдом.

— Будь уверен, я доберусь до каждого, кто дергает за ниточки.

Вспомнив, как прошлой ночью Сун Яцы в бреду плакал от боли, Чу Тунчжоу почувствовал, как сжимается сердце. Его тон стал еще беспощаднее.

— Отвечай! Как мелкий евнух из дворцовых конюшен смог покинуть дворец и стать знаменитым куртизаном, сменив имя?!

Нынешний император был одержим поисками бессмертия и почти не занимался государственными делами. Два года назад, когда Восточное депо едва не захватило власть в стране, император назначил Чу Тунчжоу командиром Цзиньивэй, развязав ему руки. Он надеялся, что реки крови, пролитые тогда, усмирят смутьянов, но спустя два года некоторые снова подняли головы.

Имя вертелось у Чэнь Сюэданя на языке. Боль достигла предела, но он стиснул зубы, не желая его произносить. Если он заговорит, жить ему не останется...

— Ишь, какой крепкий орешек, — проговорил Чу Тунчжоу, снимая со стены нож. — Раз ты так хочешь стать настоящим евнухом, я помогу тебе в этом!

Холодный блеск лезвия мелькнул перед глазами Чэнь Сюэданя. Он не закрыл глаз, продолжая смотреть на грязную стену. Что ему терять, если жизнь и так висит на волоске?

Но прежде чем Чу Тунчжоу успел опустить нож, раздался запыхавшийся голос:

— Погодите!

Лезвие замерло у самого бока Чэнь Сюэданя. Чу Тунчжоу с яростью обернулся. В дверях стоял

толстяк с жетоном Пятого принца, с трудом переводя дыхание.

— Господин Чу, так нельзя! Этот человек принадлежит моему принцу. Если вы лишите его того, что делает его мужчиной, разве у моего господина не поубавится удовольствий?

<http://bllate.org/book/18795/1826382>